

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25
<https://elibrary.ru/btmvte>

EDN BTMVTE

Уха из старого петуха: названия невкусных и малопитательных блюд в русских говорах Пермского края

Зверева Юлия Владимировна

**к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13А. zv.ul@mail.ru**

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Статья поступила в редакцию 14.07.2025

Одобрена после рецензирования 01.09.2025

Принята к публикации 06.09.2025

Информация для цитирования

Зверева Ю. В. Уха из старого петуха: названия невкусных и малопитательных блюд в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25. EDN BTMVTE

Аннотация. В статье рассматриваются пермские диалектные наименования невкусных и малопитательных блюд. В пермских говорах отмечено большое количество слов, называющих подобные кушанья, что свидетельствует о важности для носителей говоров таких признаков пищи, как наличие приятного вкуса и питательность. Эта группа лексики характеризуется синкретизмом семантики: нередко значения ‘невкусный’ и ‘малопитательный’ трудно разделить. В статье проведен анализ этой микрогруппы лексики в семантико-мотивационном аспекте, определены особенности формирования рассматриваемой лексической группы, осуществлена этимологическая реконструкция лексем с «непрозрачной» внутренней формой. Делается вывод, что в этой группе лексики преобладают образные, экспрессивные единицы; для наименования невкусных и малопитательных блюд часто используются фразеологические сочетания, слова с суффиксами субъективной оценки, языковые единицы с необычной звуковой формой. Выявлены мотивационные модели, реализованные в рассмотренных языковых единицах. Развитие семантики ‘невкусный, неприятный на вкус’ наблюдается у слов, обозначающих что-либо не предназначенное в пищу человека, например отходы, мусор. Нередко у номинаций жидких, негустых блюд возникает дополнительное значение ‘малопитательный, несытный’. С одной стороны, такое развитие семантики связано с внутренними свойствами этих языковых единиц, с другой стороны – возникновение нового значения может быть мотивировано внешними обстоятельствами: распространением определенных блюд (каши из заваренной муки, похлебок с сухарями) в периоды лишений и голода. В основном языковые единицы этой тематической микрогруппы имеют русское происхождение и прозрачную внутреннюю форму, нередко они отмечаются и в других русских говорах.

Ключевые слова: Пермский край; русские говоры; тематическая группа; мотивация; лексика питания; фразеология.

Введение

Лексика питания относится к числу древнейших слоев словарного состава русского языка, в

ней находят отражение этнические и культурные особенности народа, поэтому ее изучение представляет большой интерес для исследователей. В

русских говорах Пермского края языковые единицы, входящие в лексико-семантическую группу «Питание», составляют значительный пласт. Их анализу посвящены работы, в которых рассматриваются диалектные наименования хлеба [Бакланова 2008; Зверева 2013], напитков и блюд [Зверева 2009; Зверева 2011]. Е. Н. Полякова описала языковые единицы этой тематической группы в пермских памятниках письменности [Полякова 2009а, 2009б]. Лексика питания тесно связана с другими группами слов: так, в работе И. И. Русиновой, А. В. Черных [Русинова, Черных 2023] рассматриваются коллективные прозвища, основанные на кулинарных предпочтениях жителей разных территорий Пермского края. В статье И. И. Русиновой, А. В. Черных приводятся такие прозвища, как *парёнки*, *зубоеды*, *ярушники* и др. [Русинова, Черных 2023], таким образом, эти номинации также могут служить источником сведений о пермской диалектной лексике питания.

Указанная тематическая группа включает в себя не только нейтральные номинации блюд, напитков, продуктов, но и характеризующие единицы, в семантике которых содержится информация о вкусовых качествах, оценка пищи. Чаще всего такие эмоционально-экспрессивные номинации входят в тематическую подгруппу, которая называет плохо приготовленную, невкусную пищу, а также малопитательные, не приносящие насыщения блюда. Дальнейшая дифференциация языковых единиц позволяет также выделить наименования невкусных напитков и неудачных выпечных изделий. Если лексика питания довольно хорошо изучена на материале разных говоров, то оценочные единицы не часто рассматриваются в работах исследователей.

Среди работ, посвященных анализу подобных «маргинальных» названий, можно назвать статью Е. Л. Березович и К. В. Осиповой, в которой описываются особенности мотивации языковых единиц, называющих невкусный суп и чай в русских говорах [Березович, Осипова 2014]. Есть несколько работ, в которых рассматриваются номинации неудавшегося хлеба [Гапонова 2011; Гришанова 2020; Зверева 2023; Карасева 2017; Парменова 2015]. Довольно часто лексемы со значением «невкусная, непитательная пища», «неудавшееся хлебное изделие» имеют область пересечения с единицами, обозначающими блюда и продукты питания, употреблявшиеся во времена голода. В такие периоды сельские жители часто добавляли в рацион заменители муки, что могло ухудшать вкус и питательность блюд. К. В. Осипова, анализируя номинации блюд «голодного времени», отмечает, что такая пища была довольно тяжелой, невкусной, плохо «елась»

и усваивалась [Осипова 2017: 130]. В статье Л. П. Батыревой рассматриваются номинации лепешек из крахмала, полученного из подмороженного, подгнившего картофеля, на материале говоров Ивановской области. Автор указывает на экспрессивность таких единиц, они часто имеют отрицательную коннотацию [Батырева].

Наименования плохо приготовленной, невкусной и малопитательной еды хорошо представлены в пермских говорах, однако отдельных исследований, посвященных этой идеограмме, пока нет. Языковые единицы с таким значением стали предметом анализа в настоящей работе.

1. Наименования невкусной, некачественной пищи в пермских говорах

В пермских говорах отмечено несколько лексем, называющих плохо приготовленную, некачественную пищу. Чаще всего это номинации жидких блюд, похлебок: *балáнда* ‘жидкая невкусная похлебка’ (*Ты что сварила, баланду какую-то!* Черд. (СРГСПК 1: 51)); *бурдомá/ бурдомáга* ‘недоброкачественный, плохо приготовленный напиток или кушанье’ (*Сначала надо варить сироп, если сразу насыплешь ягоды-те, бурдома какая-то получатся.* Нырб Черд. (СРГСПК 1: 166); *Всяку дрянь накладут – вот и бурдомага.* Акчим Краснов. (АС 1: 100)); *бутормáга* (*Ну и бутормагу подали!* Диково Караг. (СПГ 1: 69); *помóйчики* (*У ё каки-ко там помойчики. Водичка синенька.* Акчим Краснов. (АС 4: 93)); *телепня́* ‘неудавшийся напиток, пища’ (*Что это за телепню ты, Маруся, приготовила? Есть нельзя.* Моховое Кунг. (СПГ 2: 435)). В городской речи жителей Пермского края зафиксированы слова *вáрево* ‘блюдо низкого качества’ (*Ну и варево [о невкусном супе]; Невестка молодая, варево сготовила* (СГПЛ: 29)) и *ополóски* ‘некачественная пища, чаще напитки’ (*Ополосками накормила – с утра ничего не ела. Что ты мне нашла ополоски?* (СГПЛ: 144)). Довольно часто такие единицы являются многозначными, при этом значение ‘невкусное блюдо’ является переносным. Оно возникает в результате метафорического переноса от единиц, которые обозначают какие-либо остатки или что-то непригодное в пищу человека: *ополоски* < *ополоски* ‘вода, в которой что-либо ополаскивали, мыли’ (БАС 13: 765); *помóйчики* < *помои* ‘грязная вода с какими-л. отбросами после мытья посуды, продуктов и т.п.’ (БАС 18: 621), *телепня́* < *телепня* ‘мука, замешанная с водой; пойло для скота’ (КСРГСПК).

В диалектных словарях XIX в. у лексемы *балáнда* фиксировались такие значения: 1) ‘пища, состоящая из заквашенного отвара свекольной ботвы и других стеблей и листьев огородной

зелени со ржаной мукою' (Опыт: 6) и 2) 'ботвинья, холодец из закващенного на муке отвара свекольной и иной ботвы, с окрошкой' (Даль 1: 106). В современном общенародном языке это слово имеет помету «просторечное» и определяется как 'жидкая невкусная похлебка' (БАС 1: 350). Вероятно, упрочение этого значения в общенародном языке связано и с тем, что с конца XIX в. слово использовалось для обозначения тюремной похлебки.

По мнению А. Е. Аникина, первоначальная семантика лексемы – обозначение растения: *баланда* 'вид лебеды, ботва, идущая на ботвинье' (фиксируется в разных русских говорах), затем происходит развитие значения: 'марь, лебеда' > 'ботва, идущая на ботвинье' > 'ботвинье' > 'примитивная похлебка, окрошка или иная простая пища' (Аникин 2: 124). Исследователь не исключает и версию происхождения слова от глагола *баландать* 'взбалтывать, делать мутным (о жидкостях)', 'разводить в воде муку для опары' (там же: 125). В русских говорах представлены подобные отглагольные наименования похлебок и каш: *болтушка*, 'жидкая пища, приготовленная обычно из муки, толокна и т.п., разведенных в воде, молоке, квасе' (БАС 2: 119); *заболтуха* 'каша из заваренной муки' (КСРГСПК).

Лексемы *бурдомá*, *бурдомáга*, вероятно, связаны с общерусским *бурда* 'о плохо приготовленном, невкусном питье или жидкой, невкусной пище; о любой мутной, неприятной на вкус жидкости' (БАС 2: 262). Во многих русских говорах встречаются фонетические и словообразовательные варианты слов в этом значении: *бурдомá*, *бурдамáга*, *бурдымáга*, *бурдамáха* (СРНГ 3: 283–284).

В пермских говорах отмечена также лексема *бурлин* 'баланда': *Одну-то в ясли носила, а эти на мне висились. Прибегу с поля, бурлин излажу, четверя похлебали.* Оськино Сол. (СПГ 1: 67). Слово не фиксируется в других русских диалектах, что позволяет предположить его окказиональный характер: возможно, оно возникает в результате контаминации слов *бурда* и *бурлить* 'шуметь, урчать (о звуках в кишечнике)' (СРНГ 3: 293). Об образовании названий некоторых блюд со значением 'малопитательное блюдо' от звукоподражательных глаголов (*свистунья*, *быргуша*), обозначающих звуки при расстройстве кишечника, в своей работе пишут также Е. Л. Березович и К. В. Осипова [Березович, Осипова 2014: 236].

Часто номинации невкусных блюд, как видно из приведенных примеров, имеют негативную (неодобрительную или ироническую) окраску. Экспрессивность характерна и для идиом с этим значением, например, *ухá из стáрого петухá* 'о неудачном блюде' (*Чё-то неладно сделала, вовсе не вкусно – уха из старого петуха.* Ленск Кунг.

(Подюков: 103)). Необычность блюда, его несъедобность подчеркивается как внутренней рифмой (*уха – петуха*), так и несоответствием значений: уха – это обычно суп из рыбы, в данном же случае говорится о блюде из птицы. Собственно пермским диалектным фразеологизмом является *как áмборские пельмéни* 'пельмени плохого качества' (*Сéдня, говорит, я настряпала пельмени, как несамик, ну, неумелые или плохие, как амборские пельмени.* Редикор Черд. (АЧ)). Амбор – деревня в Чердынском районе, которая находилась чуть более чем в 20 километрах от Редикора, где был записан текст. Довольно часто жители соседних деревень наделялись какими-то отрицательными качествами, в том числе отмечались пищевые предпочтения.

II. Наименования жидких, малопитательных блюд в пермских говорах

Значение 'невкусное, плохо приготовленное блюдо' чаще всего возникает у номинаций малопитательных, не вызывающих насыщения кушаний. В некоторых случаях синкретизм семантики находит отражение в дефинициях таких языковых единиц: *алáкиша* 'жидкое невкусное кушанье' (*Во время голода алакше были рады.* Акчим Краснов.; *Похлебочка мало-мальска. Выварила алакишу.* Акчим Краснов. (АС 1: 41)). Как правило, значение 'малопитательное блюдо' возникает у номинаций различных похлебок и жидких каш, которые готовились очень быстро: «...возвращаясь к особенностям приготовления пустых супов, следует отметить скорость их варки. Из-за своего скудного состава они обычно довольно быстро готовятся» [Березович, Осипова 2014: 225].

В повседневном питании крестьян Пермского края довольно часто встречались блюда вроде похлебок и жидких (иногда густых) каш на основе заваренной в кипятке муки, сухарей, иногда с добавлением капусты или других продуктов. В пермских говорах обычно различаются по значению наименования блюд с корнем *хлеб-* и слова с корнем *суп-*. Если *похлёбка* (*похлебéц* и др.) – жидкое блюдо без мяса, то *суп* – жидкое блюдо на мясном бульоне: *Ежели мяса не накладено – похлёбка.* Купчик Черд.; *Похлёбка – картошка, вода и лук. Суп – ишо мясо.* Тиуново Гайн. (КСРГСПК); *А без мясо-то, суп похлёбкой называют.* Акчим Краснов. (АС 4: 117). Е. Л. Березович и К. В. Осипова отмечают, что первые блюда без мяса часто расценивались как несытные [Березович, Осипова 2014: 219]. Это подтверждается и данными пермских говоров: нередко лексемы, называющие разного рода похлебки, получают также дополнительное значение 'малопитательное блюдо'. Несколько прене-

брежительно отношение к такой пище носителей говоров может проявляться в номинациях с суффиксами субъективной оценки (**похлебёнка**, **похлебёшка**), а также в использовании зависимого неопределенного местоимения: *Ой, надо картошку доставать из ямы надо ешо похлёбку сварить, похлебень какой-нибудь*. Акчим Краснов.; *Каку-нибудь похлебёнку свариишь да похлебаешь*. Акчим Краснов. (АС 4: 117). Добавочная сема ‘малопитательное блюдо’ у лексем с корнем **хлеб-** хорошо заметна в противопоставлении похлебки и щей: *Мамочка неродная, похлёбочка холодная. Кабы родная была, щей горячих налила* (из песни). Акчим Краснов. (Там же). Действительно, в пермских говорах у слова **щи** отмечается значение ‘суп с мясом’: *Щи заправлены, суп заправлен, а похлёбка – капуста, картошка*. Редикор Черд. (КСРГСПК). Вероятно, изначально оппозиция жидких похлебок без мяса и блюд на мясном бульоне связана с чередованием в рационе крестьян постов и мясоедов. Блюда с мясом воспринимались как праздничные, более вкусные и питательные, а постные блюда – как повседневные, а также менее сытные. В XX в. такое противопоставление постепенно уходит из уклада жизни, однако социальные-политические конфликты и кризисы нередко приводили к периодам нужды и дефицита продуктов питания, и супы без мяса становились приметой таких времен.

Экспрессивными синонимами к слову **похлёбка** в пермских говорах являются **барабулька** (*Сварю кой-какую барабульку, тем и живу*. Плишкино Ел. (СПГ 1: 21) и **шулёмка** (*Она опять каку-то шулемку сварила, чё ведь, не наешься*. Чайковский (СРГЮП 3: 409)). Лексема **барабулька** может быть связана с отмеченным в южнорусских и вятских говорах **барабуля** ‘картофель’ (СРНГ 2: 102), ‘картофельное пюре’ (ОСВГ: 49). Возможно, номинация похлебки возникает в результате развития семантики: ‘картофель’ > ‘блюдо из картофеля’ > ‘малопитательная похлебка’. Кроме того, на появление последнего значения могли повлиять нетипичность слова для пермских говоров, а также фонетическое оформление слова (звуки **б-р-б-л**). Как отмечают Е. Л. Березович и К. В. Осипова, названия некачественной пищи могут включать в свой состав звукокомплексы, отражающие физиологическую реакцию организма на ее употребление, например, т-(п)-р-а-у-(й) [Березович, Осипова 2014: 236].

Интересно появление значения ‘похлебка из крупы без мяса’ у лексемы **шулёмка**, которое, вероятно, попало в пермские говоры из охотничьего жаргона. Так, в «Охотничьем словаре Прикамья» отмечается похожее по звучанию **шу-**

люмка ‘блюдо из свежеподстреленной дичи на костре’ (*Кто что в шулюмку кладет. Косач хороши с перловочкой, лук и лаврушка*. Пермь (ОСП: 276)). Исследователи считают, что слово является заимствованием из тюркских языков и пришло с территории Сибири (там же). Возможно, энантиосемия возникает вследствие того, что блюдо готовилось в походных условиях и было простым по рецептуре. В то же время не исключено, что название блюда **шулёмка** связано с севернорусским **сулема** ‘всякий яд, отравя’, ‘о чем-либо некачественном, неприятном’, ‘чепуха, ерунда’, ‘некачественная пища’ (СРНГ 42: 219-220); в пермских – ‘очень крепкая брага’ (СПГ 2: 418). К. В. Осипова отмечает, что в картотеке «Словаря говоров Русского Севера» зафиксирован вариант с начальным [ш]: **шулемка** ‘некачественный алкогольный напиток’, ‘домашний хмельной напиток’ [Осипова 2020: 3]. В таком случае пермское **шулёмка** может быть частью наследия материнских севернорусских говоров.

Водянистость, малопитательность блюда может ассоциироваться с нехарактерным для пищи цветом – синим. Примером этому является фразеологизм **синяя похлёбка** ‘картофельный суп без мяса и жира’ (*Они без денег сидят, придёшь – одну синюю похлебку хлебают, из картошечки*. Сыра Сукс. (СРГЮП 2: 429)). Сходную семантику ‘жидкий, малопитательный’ имеет колоратив **синенький** в идиоме **синенькая водичка** ‘о нежирном, жидком молоке’ (АС 1: 140).

Одним из традиционных для русской кухни быстро приготавливаемых блюд являлась похлебка из залитых кипятком сухарей, иногда с добавлением других ингредиентов: капусты, лука, картошки и т. п. В пермских говорах отмечено несколько номинаций такой похлебки: **сухарница** (*Сухарницу варили. Воду скипелят. Масла накладывают, сухари – вот и сухарница*. Марушево Черд. (КСРГСПК)); **тюря** (*Садись, говорит, тюрю хлебать. Это вода светлая, посолёная да с хлебушком*. Камгорт Черд. (Там же)); **хлёбенка** (*Хлебенка да сухарница. Это ись нечё. Воду льют, сухарей крошат, да квасу, да луку, да соли да хлебают* (Пянтег Черд.); *Хлебенку едят. Хлеб крошат, горячей воды нальют, сметану накладывают и едят*. Камгорт Черд. (там же)). Приведенные контексты свидетельствуют о том, что номинации блюд, основной составляющей которых были сухари или хлеб, также могут приобретать дополнительную семантику ‘малопитательная, не приносящая насыщения пища’. Приведенные лексемы являются общерусскими, фиксируются в этом значении во многих русских говорах, а слово **тюря** – и в литературном языке. В пермских говорах у лексемы фиксируются также другие значения: 1) ‘картофельное пюре’,

2) ‘кушанье из толокна с ягодами’, 3) ‘каша из заваренной муки’ (КСРГСПК).

В наших материалах встречаются и другие наименования похлебки с сухарями, которые образованы от номинаций других блюд: **ратотуй** (*Ратотуй возырать – есть крошки с водой*. Пянтег Черд. (КСРГСПК)) и **кутя/кутья** (*Дак чё нам давали. Ой-ё, хлеба 400 грамм дадут. Чёрной. ... Придём из лесу – столовая закрыта, кого ись-то? Из дому возьмём капусты, муки маленько, приехали в барак, капусту-ту поставили, закипела – муки горску, положили, а хлебушка-то меленько только. [Как называлось то, что варили?] Вот куття. Ну, ну капуста кипячёная. Капуста кипячёна, крошки покроишишь, скоко малинько хлебушка-то есь. Касиб Сол. (Там же)). В ярославских говорах слово **рататуй** обозначает суп без мяса (СРНГ 34: 337), в пермских также отмечается это значение у фонетического варианта **ритатуй**: *Какой-то ритатуй сварю: вода да картошка, да ишо там две чесночинки. Вот и называется ритатуй*. Акчим Краснов. (АС 5: 31). Вероятно, сема ‘без мяса’ служит основанием для переноса на любое малопитательное блюдо, в том числе похлебку с сухарями.*

Лексема **кутя (кутья)** в пермских говорах обычно употребляется в общерусском значении ‘обрядовое поминальное кушанье из варёного риса или другой крупы с изюмом или мёдом’ (БАС 8: 830), но в приведенном выше контексте обозначает похлебку с добавлением капусты, муки и сухарей. В русских говорах слово **кутья** может обозначать различные блюда: ‘кушанье из гороха и ячменной крупы’, ‘гороховый суп без мяса’, ‘кушанье из ячменной или какой-либо другой муки’, ‘постные щи с добавлением крупы’, ‘каша из крупной (ячменной?) крупы’ (СРНГ 16: 178-179). Все значения объединяет сема ‘без мяса’, видимо, она становится основой развития семантики: ‘блюдо без мяса’ > ‘малопитательное кушанье’.

Значение ‘похлёбка из сухарей, залитых кипятком’ отмечается у фразеологизма **гусиные шти**: *Гусиные шти ели, нонче уж никто этого не ест*. Макарята Черд. (СПГ 2: 560). Е. Л. Березович и К. В. Осипова, анализируя языковые единицы, называющие жидкий суп и некрепкий чай, обращают внимание на то, что для обозначения кипятка, воды, то есть «неполноценного» чая, могут использоваться фразеологизмы, включающие определения «гусиный» и «утиный» [Березович, Осипова 2014: 220]. Таким образом, устойчивое сочетание (**гусиные шти**) обозначает не только конкретное блюдо, но и вообще малопитательное кушанье.

Нередко для обозначения невкусных, малопитательных кушаний служат лексемы, обознача-

ющие жидкие каши из заваренной муки (**завариха, затируха, повалиха, размазня**). О возникновении такой семантики у данных языковых единиц свидетельствуют контексты, в которых такие блюда становились основой рациона в голодное время: **завариха, заваруха** (*Раньше худо жили, накормят заварухой, и бегают ребятишки целый день*. Большой Букор Чайк.; *В голод-то все больше заваруху ели, муку, заваренную на кипятке*. З. Сарс Окт. *В войну мы все заваруху едали*. Вильгорт Черд. (СПГ 1: 272)); **повалиха, повариха, повалюха** (*На трудодни выдавали муку по 100 грамм на трудодень. Сразу же варили кашу-повалиху, пекли колобки с пистиками, лебедой* (Пож Юрл.) (Гусева: 59); *Каша-повариха-де токо до порогу, её из муки стряпают*. Камгорт Черд. (КСРГСПК); *Есть нечо, дак повалюху сделам. Муку заваришь горячей водой, молоком забелишь, и хлебай*. Пожва Юсьв. (СРГКПО: 187)).

Семантика лексем мотивирована способом приготовления такой каши: **заварить** > **заваруха, завариха** (*Из белой муки заваривали, дак заваруху ешо звали кашей-повалихой*. Илаб Сол. (КСРГСПК)); **повалить** ‘сбрасывать, скидывать’ > **повалиха, повалюха** (*А из аржаной не делают, потому называется повалиха – сразу муку валят в кипеток*. Волеги Нытв. (ДАКТиПЯ)). Вероятно, **повариха** является фонетическим вариантом лексемы **повалиха**, а мена звука [л] на [р] происходит из-за семантического сближения со словами с корнем **вар-**. Интересно, что носители говоров, подчеркивая недостаточную питательную ценность такой каши, дают свое объяснение происхождения слова **повалиха**: *Каша-повалиха – слабый обед, она-де повалит. Воду скипятишь, посолишь, заваривашь, ямку посередке, налевашь масла, мачешь туда*. Купчик Черд. (КСРГСПК). Таким образом, с изменением значения происходит переосмысление мотивационных связей лексемы.

Обращение к данным словарей XIX в. свидетельствуют о том, что добавочная сема ‘невкусное, малопитательное блюдо’ появляется не сразу. Так, лексемы **завариха, повалиха** в значении ‘каша из заваренной муки’ были широко распространены в севернорусских говорах (Даль 1: 1394, 3: 357; Дилакторский: 441; Подвысоцкий: 51), а само блюдо можно считать традиционным. Каши из различных видов муки, часто с добавлением сливочного или растительного (в пост) масла, сметаны, молока, составляли значительную часть рациона русского крестьянина. Однако в годы Великой Отечественной войны мучная каша на воде становится основным блюдом, поскольку для ее приготовления нужно было меньше муки, чем для выпечки хлеба, и готови-

лось такое блюдо быстро. К. В. Осипова, анализируя развитие семантики у слова *повалиха* в костромских говорах, приходит к выводу, что в голодное время происходит ироническое переосмысление номинации: вместо традиционного сытного и питательного блюда она начинает обозначать похлебку, заправленную мукой [Осипова 2017: 132].

Актуализация семантики ‘скорость и простота приготовления’ реализуется также в названиях каши / похлебки, заправленной мукой, *болтүшка*, *заболтүха*: *Заболтүха из овсяной муки*. Карпичово Черд.; *Жрать-то нечё было. Тисель да болтүшку заболтают да нальют на этот*. Бондюг Черд. (КСРГСПК); *С едой было тяжело, особенно ближе к весне, когда картошка заканчивалась. Ржаную муку заваривали кипятком, добавляли воды, если было, то немного молока. Получалась болтүшка*. Куед. (ЗК: 54). Номинации с корнем *болт-* могут обозначать кашу из заваренной муки или пищу, приготовленную из муки, разведенную в воде или другом напитке.

Семантический переход ‘каша из заваренной муки’ > ‘малопитательное блюдо’ в пермских говорах может иметь и обратный характер. Так, слово *алакшечка* обозначает также кашу из муки (*Мусну алакшечку сваришь*. Акчим Краснов. (АС 1: 41)) и образовано от *алакша* ‘малопитательное блюдо’. Как и в случае с другими лексемами, слово *алакша* первоначально имело более конкретное значение, чем фиксируемое в пермских говорах. По мнению этимологов, лексема связана с офенским *алакша* ‘пиво’, ‘самосадочное хлебное вино, преследуемое откупом’ (Аникин 1: 141). Жаргонное происхождение слова подтверждается тем, что слово довольно редко встречается в русских диалектах, а в «пищевом» значении – только в пермских говорах.

Значение ‘каша, похлебка из заваренной муки’ может появляться у лексем, которые первоначально имели другую семантику: *кумышина* (*Во время войны Отечественной кумышину варили*. Ленск Кунг. (СПГ 1: 451)); *курица* (*Голод-то был, я и научилась курицу заваривать. Муки заваривать, с водой её замешаешь – вот и курица*. Григорьевское Нытв. (Там же: 454)). Вероятно, слово *кумышина* выступает фонетическим вариантом *кумышка* ‘самогон’, ‘брага’. Появление «пищевое» значения может быть связано с особенностями изготовления напитка, для приготовления которого заквашивали хлеб или муку в воде: *Кума-кумышка в тёплую воду замешаешь, <...> хлеб, картошка и квасить и потом варить*. Покча Черд.; *Сивуха – это самогон, квашонка из ржаной муки. Три дня проквасят, в чугуна наливают, садят на печку*. Покча Черд. (КСРГСПК).

Возможно, перенос названия с напитка на жидкое, малопитательное блюдо связан и с тем, что самогон являлся напитком худшего качества, чем пиво: «Брага и самогон, в отличие от пива, считались напитками второго сорта, их употребление ассоциировалось с пьянством и вызывало социальное осуждение» [Осипова 2020: 30].

Лексема *курица* в значении ‘жидкая пища из муки и воды’ не встречается в других русских говорах. Вероятно, она является окказиональной и основана на приеме иронии: вместо предполагаемой семантики ‘суп с курицей’, слово обозначает жидкую, малопитательную похлебку без мяса. В то же время нельзя исключить и другие версии происхождения языковой единицы, например, от глагола *курить*, одно из диалектных значений которого ‘мутить (воду)’ (СРНГ 16: 128). Однако суффикс *-иц (а)* довольно редко встречается в отглагольных существительных. Не исключено также, что лексемы *курица* и *кутя* ‘похлебка с сухарями и капустой’ ассоциативно сближаются носителями говоров на основе семы ‘без мяса’ и омонимии, существующей в диалектах: *кутя* может обозначать не только блюдо, но и курицу, цыпленка (СПГ 1: 457).

Слово *тюря* также может обозначать кашу из заваренной муки: *А шио каша-повариха была. А из чего? Из чего? А из муки. Вода закипит, её посолят, и муку сыплют, пшеничная мука, белая-то не была, ложкой мешают, муку насыпают, и заварится такая тюря*. Подкоково Караг.; *Заварят пшеничную муку и называют это тюря*. Ныроб Черд. (там же). Вероятно, носители говоров нередко приравнивали жидкую пищу к малопитательной, поэтому семантика ‘несытный’ могла возникать у любой номинации негустого, водянистого блюда.

Выводы

Большое количество в пермских говорах языковых единиц, которые обозначают невкусные и малопитательные блюда, свидетельствует о важности для носителей говоров как вкусовых качеств пищи, так и питательности блюд. В некоторых случаях трудно развести значения ‘невкусный’ и ‘малопитательный’, многие языковые единицы отличаются синкретизмом семантики.

В основном языковые единицы этой тематической микрогруппы имеют русское происхождение и прозрачную внутреннюю форму, нередко они отмечаются в других русских говорах. Появление значений ‘невкусное блюдо’, ‘малопитательное кушанье’ может быть результатом метафорического или метонимического переноса. Так, значение ‘невкусный, неприятный на вкус’ может возникать у слов, имеющих значение ‘что-то жидкое, не предназначенное в пищу

человека' (отходы, корм для скота и т. п.). Нередко у номинаций жидких, негустых блюд возникает дополнительная сема 'малопитательный, несытный'. Такая трансформация семантики может быть обусловлена не только внутренними языковыми факторами, но и экстралингвистическими: распространение в период Великой Отечественной войны каши из заваренной муки как основного блюда в рационе привело к появлению нескольких номинаций этой реалии и развитию у них значения 'малопитательное блюдо'.

Языковые единицы, обозначающие невкусные и малопитательные блюда, могут быть экспрессивно окрашены. Отрицательная коннотация может подчеркиваться переносным значением слова, необычным звукокомплексом (*бурлин, барбулька*), использованием суффиксов субъективной оценки. В некоторых случаях синтаксическое окружение единицы – стоящее рядом с номинацией блюда неопределенное местоимение – также вносит оттенок неодобрительности.

Сокращения

Гайн. – Гайнский район; Ел. – Еловский район; Караг. – Карагайский район; Краснов. – Красновишерский район; Куед. – Куединский район; Кунг. – Кунгурский район; Нытв. – Нытвенский район; Окт. – Октябрьский район; Сол. – Соликамский район; Сукс. – Суксунский район; Чайк. – Чайковский район; Черд. – Чердынский район; Юрл. – Юрлинский район; Юсьв. – Юсьвинский район.

Список источников

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а–аяюшка). М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. 368 с.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

АЧ – Материалы этнографических экспедиций под руководством А. В. Черных (архивный фонд Института гуманитарных исследований УрО РАН).

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2024. Т. 1–28 (издание продолжается).

Гусева К. П. Поклонись родному дому. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 257 с.

ДАКТиПЯ – диалектологический архив, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Прогресс: Универс, 1994.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / изд. подгот.: А. И. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннетика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018. Вып. 1–12.

ОСП – Охотничий словарь Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), А. М. Белавин, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Перм. гос. гум-пед. ун-т, 2013. 215 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1885, 198 с.

Подюков – К пиру едятся, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. СПб.: Маматов, 2014. 176 с.

ЗК – Русин В. Земля Куединская. История района от заселения до наших дней в рассказах. Книга первая. Пермь: ИП Фирстов. 368 с.

СГПЛ – Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2020. 238 с.

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПониЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

Список литературы

Бакланова И. И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2008. С. 274–279.

Батырева Л. П. Коркули, гопкики, трахмалушки, сулындыши... URL: <https://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/projekts/pitani>

e/Batureva.L.P._Korkuli.pdf?ysclid=mapqj5oy634678279 (дата обращения: 25.06.2025).

Березович Е. Л., Осипова К. В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.

Гапонова Ж. К. Наименования выпечных изделий в могольских (ярославских) говорах // Культура. Литература. Язык: материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 36–43.

Гришанова В. Н. Процесс домашнего хлебопечения и его отражение в лексике говора одного села // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2020. № 14. С. 204–215.

Зверева Ю. В. «Корка на подпорках»: наименования неудачных хлебных изделий в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, № 4. С. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48

Зверева Ю. В. Названия напитков в пермских говорах // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 71–77.

Зверева Ю. В. Способы номинации выпечных хлебных изделий в пермских говорах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 147–155.

Зверева Ю. В. Тематическая группа «Названия пищи» в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3(15). С. 25–31.

Карасева Т. В. Названия непропечённого хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 293–302.

Осипова К. В. О некоторых названиях браги и самогона в севернорусских говорах // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 29–41. doi 10.15688/jvolsu2.2020.4.3

Осипова К. В. День с колобом, да два с голодом: крестьянская пища во времена голода (на материале севернорусской диалектной лексики) // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 122–136.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

Парменова Т. В. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим / науч. ред.: Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 55–74.

Русинова И. И., Черных А. В. Коллективные прозвища жителей Пермского края // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 56–79. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004

References

Baklanova I. I. *Nazvaniya muchnykh izdeliy v permskikh govorakh* [The names of flour-based products in Perm dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 274–279. (In Russ.)

Batyreva L. P. *Korkuli, gopiki, trakhmalushki, sulyndyshi...* Available at: https://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/projekts/pitaniye/Batureva.L.P._Korkuli.pdf?ysclid=mapqj5oy634678279 (accessed 25 June 2025). (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. 'Chto edim, tak i zhist' zhivem': *pustoy sup i nekrepiy chay v zerkale yazyka* [Our life is what we eat: low-fat soup and weak tea reflected in language]. *Antropologicheskiy forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2014, issue 20, pp. 218–239. (In Russ.)

Gaponova Zh. K. *Naimenovaniya vypechnykh izdeliy v mologskikh (yaroslavskikh) govorakh* [The names of baked products in Mologa (Yaroslavl) dialects]. *Kul'tura. Literatura. Yazyk: Materialy konferentsii 'Chteniya Ushinskogo'* [Culture. Literature. Language: Proceedings of the conference 'Ushinsky Readings']. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Press, 2011, pp. 36–43. (In Russ.)

Grishanova V. N. *Protsess domashnego khlebopecheniya i ego otrazhenie v leksike govora odnogo sela* [The process of home-made bread baking and its reflection in the vocabulary of the dialect of one village]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)], 2020, issue 14, pp. 204–215. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. 'Korka na podporkakh': *naimenovaniya neudachnykh khlebnykh izdeliy v russkikh govorakh Permskogo kraya* ['A crust on supports': The names of failed bread products in the

Russian dialects of the Perm region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 37-48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Nazvaniya napitkov v permskikh govorakh* [The names of drinks in Perm dialects]. *Zhivaya rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii. Materialy i issledovaniya* [Living Speech of the Perm Region in Synchrony and Diachrony. Materials and Research]. Ed. by I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2009, issue 3, pp. 71-77. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Sposoby nominatsii vypechnykh khlebykh izdeliy v permskikh govorakh* [The ways of naming baked bread products in Perm dialects]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas: Proceed. of All-Russian sci. conf.]. Perm, Perm State University Press, 2013, pp. 147-155. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Tematicheskaya gruppy 'Nazvaniya pishchi' v 'Slovare russkikh govorov severa Permskogo kraja'* [Thematic group 'Names of food' in 'Dictionary of Russian Dialects of the North of Perm Krai']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 15 (3), pp. 25-31. (In Russ.)

Karaseva T. V. *Nazvaniya nepropechennogo khleba v voronezhskikh govorakh* [Names of undercooked bread in Voronezh dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2017* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2017: a collection of articles]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 293-302. (In Russ.)

Osipova K. V. *O nekotorykh nazvaniyakh bragi i samogona v severnorusskikh govorakh* [On some names of braga and moonshine in northern Russian dialects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2:

Linguistics], 2020, vol. 19, issue 4, pp. 29-41. doi 10.15688/jvolsu2.2020.4.3. (In Russ.)

Osipova K. V. *Den' s kolobom, da dva s golodom: krest'yanskaya pishcha vo vremena goloda (na materiale severnorusskoy dialektnoy leksiki)* [A loaf for one day, hunger for two: Peasant food in the times of famine (A study of the north-Russian dialect vocabulary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, issue 2, pp. 122-136. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Kul'tura pitaniya v Prikam'e XVI-XVIII vekov (po dannym leksiki i onomastiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Meals culture in Perm region in the 16th – 18th centuries (according to lexical and onomastic data of Perm written records). Article 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009a, issue 1, pp. 3-17. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Kul'tura pitaniya v Prikam'e XVI-XVIII vekov (po dannym leksiki i onomastiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Meals culture in Perm region in the 16th – 18th centuries (according to lexical and onomastic data of Perm written records). Article 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009b, issue 5, pp. 5-15. (In Russ.)

Parmenova T. V. *Leksika, svyazannaya s prigotovleniem vypechnykh izdeliy, v rezhskom govore* [Vocabulary related to the preparation of baked products in Rezhsky dialect]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja. Mezhdru proshlym i budushchim* [People's Speech of the Vologda Region. Between the Past and the Future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015. pp. 55-74. (In Russ.)

Rusinova I. I., Chernykh A.V. *Kollektivnye prozvizhcha zhiteley Permskogo kraja* [Collective nicknames of the Perm region residents]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2023, vol. 20, issue 1, pp. 56-79. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004. (In Russ.)

Old Rooster Fish Soup: The Names of Unpalatable and Low-Nutritious Dishes in Perm Dialects

Yuliya V. Zvereva

Senior Researcher

Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. zv.ul@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Submitted 14 Jul 2025

Revised 01 Sep 2025

Accepted 06 Sep 2025

For citation

Zvereva Yu. V. *Ukha iz starogo petukha: nazvaniya nevkusnykh i malopitatel'nykh blyud v russkikh govorakh Permskogo kraia* [*Old Rooster Fish Soup: The Names of Unpalatable and Low-Nutritious Dishes in Perm Dialects*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25. EDN BTMVTE (In Russ.)

Abstract. The article examines Perm dialectal names of unpalatable and low-nutritious dishes. In the Russian dialects of Perm Krai (Perm region), there are a large number of words naming such dishes, which indicates that such food attributes as pleasant taste and nutritional value are important for speakers of the dialects. The thematic vocabulary group ‘Names of unpalatable and low-nutritious dishes’ is characterized by syncretism of semantics: in the Russian language it is often difficult to distinguish between the meanings of the words *nevkusnyi* (unpalatable) and *malopitatel'nyi* (low-nutritious). The article analyzes this group of vocabulary in the semantic-motivational aspect, looks into its formation, and provides an etymological reconstruction of lexemes with a ‘nontransparent’ inner form. It is concluded that figurative, expressive units predominate in the studied lexical group; phraseological combinations, words with suffixes signifying subjective evaluation, and linguistic units with an unusual sound form are often used to name unpalatable and low-nutritious dishes. The paper reveals motivational models implemented in the analyzed language units. The development of the semantics ‘unpalatable, not pleasant to taste’ is observed in words denoting something that is not intended as human food, for example, waste, garbage. Often, the names of liquid, thin dishes have the additional meaning of ‘low-nutritious, not filling’. On the one hand, such a change in semantics is connected with the internal properties of these linguistic units; on the other hand, the emergence of a new meaning can be motivated by external circumstances: the spread of certain dishes (porridge made from boiled flour, soups with dried bread) during periods of hardship and famine. The linguistic units from the studied thematic group are mainly of Russian origin and have a transparent inner form; they are often noted in other Russian dialects.

Key words: Perm Krai; Russian dialects; thematic group; lexical motivation; food vocabulary; phraseology.